

Пьер Корнель

Гораций

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-2
ББК 84-6

Пьер Корнель

Гораций / Пьер Корнель – М.: Книга по Требованию, 2011. – 52 с.

ISBN 978-5-4241-2767-0

Сердце Сабины, супруги благородного римлянина Горация, исполнено смятения и скорби: ныне в жестокой битве будет разбита либо её родная Альба, либо ставший её второй родиной Рим. Мало того, что мысль о поражении любой из сторон равно печальна для Сабины, по злой воле рока в этой битве должны обнажить друг против друга мечи самые дорогие ей люди — её муж Гораций и три её брата, альбанцы Куриации...

ISBN 978-5-4241-2767-0

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Корнель Пьер
Горацій

Пьер Корнель

Гораций

Трагедия

Перевод Н. Рыковой

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Тулл, римский царь.

Старый Гораций, благородный римлянин.

Гораций, его сын.

Куриакий, албанский дворянин, возлюбленный Камиллы.

Валерий, благородный римлянин, влюбленный в Камиллу.

Сабина, жена Горация и сестра Куриакия.

Камилла, возлюбленная Куриакия и сестра Горация.

Юлия, благородная римлянка, наперсница Сабины и Камиллы.

Флавиан, албанский воин.

Прокул, римский воин.

Действие происходит в Риме,
в одном из покоев дома Горация.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сабина, Юлия

Сабина

Увы! Слабеет дух, и скорби я полна:

Оправдана в таком несчастии она.

Ведь нету мужества, которое без жалоб

Под веяньем грозы подобной устояло б,

И самый сильный дух, как бы он ни был строг,

Непоколебленным остаться бы не смог.

Измученной души не скроешь потрясенья;

Но не хочу в слезах излить ее смятенье.

Да, сердцу не унять глухой тоски своей,

Но стойкость властвует: глаза покорны ей.

Над женской слабостью поднявшись хоть немного,

Мы жалобам предел наметим волей строгой.

Довольно мужества обрел наш слабый пол,

Когда мы слез не льем, сколь жребий ни тяжел.

Юлия

Довольно - для людей обыденных, быть может:

В любой опасности их смертный страх тревожит.

Но благородные не устают сердца

И сомневаясь - ждать успешного конца.

Противники сошлись у городской твердыни,

Но поражения не ведал Рим доныне.

О нет, мы за него страшиться не должны

К победе он готов, готовый для войны.

Ты ныне римлянка, отбрось же страх напрасный,

На доблесть римскую живя надеждой страстной.

Сабина

Гораций - римлянин. Увы, обычай прав.
Я стала римлянкой, его женою став.
Но мне б супружество жестоким рабством было,
Когда бы в Риме я о родине забыла.
О Альба, где очам блеснул впервые свет!
Как нежно я ее любила с детских лет!
Теперь мы с ней в войне, и тяжки наши беды;
Но для меня разгром не тяжелей победы.
Пусть на тебя, о Рим, восстанет вражий меч,
Который ненависть во мне бы смог зажечь!
Но рать альбанская с твоей сразится ратью,
В одной из них мой муж, в другой родные братья,
Посмею ли богам бессмертным докучать,
Преступно их моля тебе победу дать?
Я знаю: молода еще твоя держава,
И укрепит ее воинственная слава,
И ей высокий рок переступить велел
Латинской вотчины завещанный предел.
Судили боги нам: господство над вселенной
Ты утвердишьвойной и доблестью военной,
И не скорбя, что твой богам послушный пыл
Тебя на гордый путь отныне устремил,
Хотела б видеться, что вот непобедима
За Пиренеями и власть и сила Рима.
Пускай до Азии дойдут твои полки,
Пускай увидит Рейн их славные значки,
И скал Геракловых поставь предел походам
Но город пощади, откуда Ромул родом:
Ты семени его царей обязан, Рим,
И мощью стен своих, и именем своим.
Рожденный Альбою, ужель не понимаешь,
Что в сердце матери ты острый меч вонзаешь?
Иди в чужой земле разить и побеждать,
И счастью сыновей возрадуется мать;
И если ты ее не оскорбишь враждою,
Она тебя поймет родительской душою.
Юлия
Мне странной кажется такая речь: с тех пор
Как с Альбою возник у Рима грозный спор,
О прежней родине ты вовсе не страдала,
Как будто римлянам родной по крови стала.
Ты ради милого в суровый этот час
От близких и родных как будто отреклась,
И я несу тебе такие утешенья,
Как если б только Рим сейчас имел значенье.
Сабина
Покуда слишком мал в сраженьях был урон,

Чтоб гибелью грозить одной из двух сторон,
Пока еще на мир надежда оставалась,
Я только римлянкой всегда себе казалась.
Досаду легкую, что счастлив Рим в борьбе,
Тотчас же подавить умела я в себе;
И если иногда в игре судеб случайной
Успехи родичей приветствовала тайно,
То, разум обретя, печалилась потом,
Что слава нас бежит и входит в отчий дом.
Теперь же близок час, назначенный судьбою:
Не Рим падет во прах, так Альбе стать рабою.
И нету за чертой сражений и побед
Преграды для одних, другим - надежды нет.
В безжалостной вражде была бы я с родными,
Когда бы в эти дни томилась лишь о Риме,
Моля богов его прославить на войне
Ценою крови той, что драгоценна мне.
К чему стремится муж - меня тревожит мало:
Я не была за Рим, за Альбу не стояла,
Равно о них скорблю в борьбе последних дней:
Но буду лишь за тех отныне, кто слабей.
Когда же победят другие в ратном споре,
От славы отвернусь и буду там, где горе.
Среди жестоких бед, о сердце, уготовь
Победе - ненависть, поверженным - любовь.
Юлия
Поистине, всегда среди такой напасти
Несхожие кипят в несходных душах страсти!
Подобный твоему Камилле чужд разлад.
Твой брат - ее жених, а твой супруг - ей брат;
С той ратью - связь сердец, а с этой - связь по дому,
Задачу же она решила по-иному.
Ты душу римлянки возвысила в себе,
Ее же - в сомнениях и внутренней борьбе
Страшили каждый бой и стычка небольшая;
Победы никому и славы не желая,
Она печалилась о тех, кто потерпел,
И вечная тоска была ее удел.
Но вот, когда она услышала, что скоро
Сраженье закипит, исход решая спора,
Нечаянный восторг блеснул в ее очах...
Сабина
Столь резкий поворот во мне рождает страх!
С Валерием она приветлива чрезмерно
И брату моему теперь не будет верной;
Всем, что поблизости, легко увлечена,
О разлученном с ней не думает она.

Но родственной любви простительны волненья
Заботясь лишь о нем, страшусь ее решенья,
Хоть истинных причин для опасений нет:
Любовью ли играть в часы жестоких бед,
Покорствовать мечтам изменчивым и праздным
И душу отдавать неведомым соблазнам?
Но быть, подобно ей, мы также не должны
И слишком весельи и чересчур нежны.

Юлия

Мне тоже и темно и непонятно это,
И на загадку я не нахожу ответа.
Довольно стойкости - предвидеть близкий гром
И ждать, чтоб он сразил, и не скорбеть о том.
Но радость проявлять - кому тогда под силу?

Сабина

Взгляни - к нам добрый дух привел сюда Камиллу!
Вы в дружбе: от тебя ей нечего таить,
Ты убедишь ее свободно говорить.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Камилла, Сабина, Юлия

Сабина

Останься с Юлией, Камилла. Не должна я
Смущать вас, мрачностью унылой докучая.
А душу, что больна от тысячи невзгод,
К уединению печальному влечет.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Камилла, Юлия

Камилла

Меня зовут сюда для дружеской беседы!
Да разве мне грозят не те же злые беды?
Да разве ныне я, чей жребий так суров,
Роняю меньше слез и меньше скорбных слов?
Такой же страх несет моей душе мученье;
Обоих лагерей мне горько пораженье,
За честь своей страны мой друг падет в бою,
А если победит, то победит мою!

Одно лишь от меня жених получит милый:
Не злую ненависть, так слезы над могилой.

Юлия

Увы! Сабине мы всю жалость отдадим;
Возлюбленных - найдешь, супруг - незаменим.
Прими Валерия, как милого встречая,
И с Альбой связь твоя порвется роковая,
Ты нашей целиком останешься тогда,
И горем для тебя не станет их беда.

Камилла

Как за такой совет не брошу я укора?

Сочувствуй горестям, не требуя позора.
Хоть нету сил нести мне бремя мук моих,
Я предпочту терпеть, чем стать достойной их.

Юлия

Как! Называешь ты разумное постыдным?

Камилла

А ты предательство считаешь безобидным?

Юлия

Когда пред нами враг - что может обязать?

Камилла

Мы клятвой связаны - ее не развязать.

Юлия

Скрывать пытаешься, - но стоит ли усилий?

Ведь вы с Валерием еще вчера дружили

И разговор такой друг с другом повели,

Что в сердце у него надежды расцвели.

Камилла

Я с ним была нежна, как с самым лучшим другом,

Не из любви к нему, не по его заслугам.

Веселья моего причиной был другой.

Послушай, Юлия, рассказ подобный мой.

Мне Куриаций друг, жених пред целым светом,

Я не хочу прослыть изменницей обетам.

Когда сестру его Горацию вручил

Счастливый Гименей, он тоже полюбил,

И мой отец, к его влечению благосклонный,

Пообещал отдать ему Камиллу в жены.

Тот день - не помню дня отрадней и мрачней,

Два дома сочетав, поссорил двух царей.

Зажег пожар войны и факел Гименея,

Надежду пробудил и вмиг покончил с нею,

Блаженство посулил и отнял в тот же час

И, наш скрепив союз, врагами сделал нас.

О, как же сердце нам терзали сожаленья!

Какие небесам он посыпал хуленья!

И не было конца рыданиям моим:

Ты видела сама, как я прощалась с ним.

И с этих пор в душе, смятению подвластной,

Надеждою на мир любовь пылала страстно,

А слезы горькие струились из очей

О женихе моем, о родине моей.

И вот решила я под гнетом ожиданья

Оракулов узнать святые предсказанья.

Скажи мне, услыхав полученный ответ,

Должна ли я еще терзаться или нет?

Тот грек, вещающий на склонах Авентина,

Какие жребии готовит нам судьбина,

Его ль не одарил правдивой речью бог?
Стихами этими блаженство не предрек:
"Пускай назавтра Рим и Альба ждут иного:
Врагам даруя мир, пробьет желанный час.
Ты с Куриацием соединишься снова,
Чтоб горькая судьба не разлучала вас".
В душе рассеялась малейшая тревога,
А прорицание сулило мне так много,
Что большей радости, без меры, без конца,
Счастливые, в любви не ведали сердца.
С Валерием всегда мне тяжки были встречи;
Но тут я слушала взволнованные речи,
Докучные в устах того, кто нам не мил,
Совсем не думая, кто их произносил.
Валерий не ушел, презрением гонимый:
Во всем вокруг меня мне чудился любимый,
Все, что ни скажут мне, - любимый говорит,
Что ни скажу сама - к любимому летит.
Сегодня - грозный день последнего сраженья,
Вчера я эту весть узнала без волненья,
Затем что разум мой, как в самый сладкий сон,
Был в мысли о любви и мире погружен.
Но сладостный обман развеян этой ночью:
Мне ужасы во сне предстали как воочью;
Виденья - груды тел поверженных и кровь
Веселье отняли и в страхах повергли вновь.
И кровь и мертвцы... Внезапно исчезая,
Мелькали призраки - рассеянная стая,
И лики без конца сменявшихся теней
От этой сомноты казались мне страшней.
Юлия
Но сны толкуются всегда в обратном смысле.
Камилла
Покой могу найти я только в этой мысли,
И все же новый день, прогнавший злые сны,
Не мирный день торжеств, а грозный день войны.
Юлия
Положит ей конец последнее сраженье.
Камилла
Болезни тягостней такое излечение!
Пусть Альба сражена, пускай повержен Рим
Любимому, увы, уже не стать моим.
Супругом никогда не будет у Камиллы
Ни победитель наш, ни пленик римской силы.
Но кто сюда идет, но кто явился к нам?
Ты, Куриаций, ты? Не верю я глазам!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Куриаций, Камилла, Юлия

Куриаций

Не бойся: предстаю пред взорами Камиллы
Ни победителем, ни жертвой римской силы.
Не бойся: рук моих не сделали красней
Ни гордых римлян кровь, ни тяжесть их цепей.
Ведь были бы тебе равно невыносимы
И победитель ваш, и жалкий пленник Рима.
И вот, страшась теперь малейших перемен,
Что принесли бы мне победу или плен...

Камилла

Довольно, милый друг. Теперь мне все понятно:
От битвы ты бежал, как от судьбы превратной,
И сердце, до конца предавшееся мне,
Руке твоей не даст служить родной стране.
Другие стали бы тебя хулить, наверно,
Твою любовь сочтя безумной и чрезмерной,
Но я, влюбленного не смея осудить,
За этот знак любви сильней должна любить.
Чем неоплатней долг перед страной родимой,
Чем больше жертвуешь, тем ты верней любимой.
Скажи, ты виделся уже с моим отцом?
Скажи, он разрешил тебе войти в наш дом?
Ведь он сильней семьи державу Рима любит
И, Риму жертвуя, детей своих погубит!
Боюсь, упрочено ли счастье наше? Как
Ты принят был отцом - как зять иль смертный враг?

Куриаций

Во мне приветствовал он будущего зятя,
Как родичу открыв отцовские объятья.
Но не изменником предстал я перед ним,
Чтоб осквернить ваш дом бесчестием своим.
Как должно, до конца родному верен краю,
Камиллу я люблю, но чести не мараю.
Покуда шла война, я был среди своих
И добрый гражданин, и любящий жених,
Отчизну и любовь я сочетать стремился,
Я о тебе мечтал, когда за Альбу бился.
И я готов еще, покорствуя судьбе,
Сражаться за нее, томиться по тебе.
Да, сколь ни сладостно желаний страстных пламя!
Не прекратись война, я был бы там, с войсками;
Но, к счастью, это мир меня привел сюда,
Чтоб нас соединить, Камилла, навсегда.

Камилла

О, как поверю я, что есть конец страданью?
Юлия

Камилла, ты должна поверить предсказанью.
Но как же было нам даровано судьбой,
Что мир принес тот час, который звал на бой?
Куриаций
Да, кто подумал бы? Уже, готовы к бою,
Двух станов воины, равно горя враждою,
Грозя очами, шли и ждали, что взметнет
Их боевой призыв и устремит вперед,
Когда альбанский вождь, не начиная дела,
У вашего царя вниманья просит смело
И, выйдя, говорит пред войском: "Что творим?
И для чего должны с тобой мы биться, Рим?
Пусть разум озарит наш дух, враждой смущенный,
Соседи! Дочерей мы вам давали в жены,
И мало ли теперь - союза нет тесней
У вас племянников средь наших сыновей?
Народ один двумя владеет городами,
Зачем усобицы возникли между нами?
Недолго ликовать тому, кто победит:
Разгром соперника бедой ему грозит.
Ведь наши недруги уже спешат по следу
У победителя отнять его победу.
Он им достанется, лишенный прежних сил
И помощи от тех, кого он сокрушил.
Пусть распри наши их не радуют. Пора нам
Подняться против них, идя единым станом.
Пускай утихнет спор, что превратить готов
В преступных родичей столь доблестных бойцов.
И если в эти дни слепая жажда власти
Внушила вам и нам убийственные страсти,
Пусть, кровью малых жертв легко утолена,
Уже не разведет, а сблизит нас она.
Назначить надо нам на поединок славный
Борцов за честь страны и блеск ее державный.
Их смертная борьба решит судьбу сторон,
И подчинятся те, кто будет побежден;
Но войску доблестных пускай в исходе боя
Не рабство предстоит, а подданство простое:
Без унижения они идти должны
За победителем в суровый час войны.
Да будут общими - держава, рать и знамя!
Он смолк - и вот конец раздора между нами.
И каждый рад узнать: то не, враги стоят
В рядах сомкнувшихся, - то шурин, друг и брат.
И странно каждому - его ли это руки
Друзьям и родичам сулили смерть и муки?
И всех о битве мысль ужасная гнетет,